

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

ЧИТАЙТЕ ВСЕ РОМАНЫ АЛЕКСАНДРЫ МАРИНИНОЙ:

Стечение обстоятельств
Игра на чужом поле
Украденный сон
Убийца поневоле
Смерть ради смерти
Шестерки умирают первыми
Смерть и немного любви
Черный список
Посмертный образ
За все надо платить
Чужая маска
Не мешайте палачу
Стилист
Иллюзия греха
Светлый лик смерти
Имя потерпевшего — никто
Мужские игры
Я умер вчера
Реквием
Призрак музыки
Седьмая жертва
Когда боги смеются
Незапертая дверь
Закон трех отрицаний
Соавторы
Воюющие псы одиночества
Тот, кто знает. Опасные вопросы
Тот, кто знает. Перекресток
Фантом памяти
Каждый за себя
Замена объекта
Пружина для мышеловки
Городской тариф
Чувство льда
Все не так
Взгляд из вечности. Благие намерения
Взгляд из вечности. Дорога
Взгляд из вечности. Ад
Жизнь после Жизни
Личные мотивы
Смерть как искусство. Маски
Смерть как искусство. Правосудие
Бой тигров в долине
Оборванные нити
Последний рассвет
Ангелы на льду не выживают
Казнь без злого умысла
Обратная сила. 1842 — 1919, Обратная сила. 1965 — 1982,
Обратная сила. 1983 — 1997
Цена вопроса. Том 1, Том 2
Горький квест. Том 1, Том 2, Том 3
Другая правда. Том 1, Том 2
Безупречная репутация. Том 1, Том 2
Отдаленные последствия Том 1, Том 2
Тьма после рассвета
Дебютная постановка. Том 1
Дебютная постановка. Том 2

Адрес официального сайта Александры Мариной
в Интернете <http://www.marinina.ru>

МАЛЕКСАНДРА МАРИНИНА

ДЕБЮТНАЯ ПОСТАНОВКА

Том 1

Москва

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Маринина, Александра.

М26 Дебютная постановка. Том 1 / Александра Маринина. — Москва : Эксмо, 2023. — 352 с. — (А.Маринина. Больше чем детектив. Новое оформление).

ISBN 978-5-04-168934-6

Ошеломительная история о том, как в далекие советские годы был убит знаменитый певец, любимчик самого Брежнева, и на что пришлось пойти следователем, чтобы сохранить свои должности.

1966 год. В качестве подставки убийца выбрал черную, отливающую аспидным лаком крышку рояля. Расставил на ней тринадцать блюдец, и на них уже — горящие свечи. Внимательно осмотрел кушетку, на которой лежал мертвец, убрал со столика опустошенные коробочки из-под снотворного. Остался последний штрих, вишенка на торте... Убийца аккуратно положил на грудь певца фотографию женщины и полоску бумаги с короткой фразой, написанной печатными буквами.

Полвека спустя этим делом увлекся молодой журналист Петр Кравченко. Легендарная Анастасия Каменская, оперативник в отставке, помогает ему установить контакты с людьми, причастными к тем давним событиям и способным раскрыть мрачные секреты прошлого...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алексеева М.А., 2023

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо»,
2023

ISBN 978-5-04-168934-6

Июнь 1966 года

Место преступления

Бардак. Сразу понятно, что здесь недавно закончилась бурная вечеринка. Тарелки с остатками еды, стаканы, бокалы и рюмки, на столе недопитые бутылки, на полу вдоль стен — пустые. Пепельницы с горами окурков.

Конечно, все это свинство портит идеальную картину, но не затевать же уборку в чужом доме...

Ничего, для своей цели он использует кабинетный рояль, гладкая крышка которого даже в темноте светится, отражая проникающий из открытого окна лунный свет. Рояль — это святое, даже самые пьяные и разнузданные гости знают: хозяин не допустит, чтобы на инструмент поставили чашку или любой другой посторонний предмет. На рояле могут лежать только ноты.

В поселке частенько случаются перебои с электричеством, и керосиновые лампы или запас свечей имеются в любом доме. Для этих хозяев керо-

син — слишком вульгарно, зато свечи они любят зажигать по всякому поводу, значит, их должно быть много. Все верно, вот они, в ящике на веранде. Чистые блюдца нашлись в тяжеловесном резном старинном буфете. Сервиз на двадцать четыре персоны. Ну, так много ему не требуется, вполне хватит тринадцати. Чертова дюжина — как раз то, что нужно. Расположить затейливой линией на крышке рояля, на каждое поставить зажженную свечу, предварительно подтопив воск в нижней части, чтобы крепче держалась. Свечи толстые, устойчивые сами по себе, но для надежности не помешает подстраховаться, а то упадет — и пожар может вспыхнуть, а это в план не входит.

Владилен лежит на удобной кушетке, расположенной в углу просторной комнаты, между роялем и стеной. Рядом, у изголовья, столик на изящных гнутых ножках, на инкрустированной овальной столешнице пустая бутылка из-под водки и две упаковки таблеток. Упаковки тоже пустые, а таблетки — импортное снотворное. Или не снотворное? Кто их разберет, эти заграничные лекарства... Может, чистый наркотик или еще что-то ядовитое, но убивает действительно быстро, если в больших дозах да под водочку. Пустые коробочки с надписью на чужом языке убрать, выбросить в мусорное ведро.

На грудь, широкую и массивную, положить фотографию. Сверху, строго по диагонали черно-белого прямоугольного снимка, поместить

узенькую полоску бумаги с короткой надписью, сделанной печатными буквами.

Окинуть глазами сцену. Кажется, все идеально. Безупречно.

Прощай, Владилен Семенович. Покойся с миром.

Октябрь 2021 года
Петр Кравченко

Очутившись на улице, Петр моментально сорвал с лица маску и принялся стягивать с рук перчатки. Черт бы побрал этот коронавирус и все пандемийные ограничения, вместе взятые! Ну сколько можно! Полтора года уже люди мучаются, запуганные и задержанные бесконечным потоком устрашающих цифр заболеваемости и смертности, полтора года всяческих ограничений, теперь вот вакцинацию требуют, без сертификата или кью-ар кода, свидетельствующих о том, что ты сделал прививку, во многие учреждения просто не пускают. В опасность ковида Петр не очень-то верил и заболеть не боялся, так что будь его воля — на пушечный выстрел не подошел бы к месту, где делают прививки, но работа есть работа. А работа требовала посещения самых разных мест, где трудятся или обитают самые разные люди. Даже если статус «привитого» не требовался для входа, велик риск

нарваться на отказ разговаривать с потенциальным носителем заразы. Собственно, именно такой отказ и сподвиг молодого журналиста и писателя Петра Кравченко забыть о собственном ковид-диссидентстве и все-таки пойти и вакцинироваться. Месяц назад он пришел к матери полицейского, убитого в 2018 году, чтобы поговорить, задать ряд вопросов, предварительно получил по телефону ее согласие на визит и беседу, однако когда явился в назначенное время — услышал из-за запертой двери квартиры непреклонное требование показать в глазок сертификат о прививке.

— Без прививки я вас не впущу, — твердо заявила женщина. — Мне жить еще не надоело.

В тот раз Петру пришлось уйти несолоно хлебавши. Через пару часов, когда растерянность прошла, а злость утихла, он снова позвонил ей по телефону и договорился об интервью по скайпу. Ничего сложного, скайпом после марта 2020 года владели практически все, даже очень пожилые люди. В принципе материал при таких раскладах можно собирать, не выходя из дома, но Петр предпочитал разговоры живые, настоящие, реальные. Бог его знает почему.

Пришлось наступить себе на горло и сделать прививку. Первый укол, потом пауза в три недели и второй укол, после которого ты получаешь заветное свидетельство того, что... А, собственно, чего? О чем свидетельствует сертификат или получае-

мый от Госуслуг код? О том, что ты не болен и не можешь никого заразить? Конечно же, нет. Новая малоизученная вакцина пока еще плохо проверена и вообще ничего такого не гарантирует. Если ею привиться, то «может быть, риск подцепить вирус ковид-19 станет несколько ниже», только и всего. Именно что «может быть» и «риск заразиться несколько ниже». Но и это не точно. Так зачем же всякие учреждения и организации так оголтело требуют, чтобы ты был непременно привит, иначе внутрь не пускают? Смысл в чем?

Петр сердился и негодовал, постоянно изливая свое возмущение девушке, вместе с которой приехал в Москву, чтобы собирать материал для новой книги о сотрудниках правоохранительных органов, погибших при исполнении служебных обязанностей. Но злись не злись, а мир не перевернешь и свои порядки не установишь. Зато сегодня он получил вторую дозу вакцины, и уже через час на его телефон придет заветный кью-ар код, при помощи которого будут открываться многие двери, ранее закрывавшиеся прямо перед носом. А это совсем не лишнее, учитывая, что в три часа дня ему нужно быть у очень и очень немолодого человека, который давно уже перешагнул порог «шестьдесят пять плюс» и считался в условиях пандемии представителем группы повышенного риска. Мало ли какие тараканы в голове у старика, а терять такого собеседника Петру очень не хотелось.

* * *

На звонок домофона ответил мелодичный женский голос, а когда Петр поднялся на второй этаж, дверь ему открыла миловидная моложавая дама, об истинном возрасте которой можно было догадываться (и то весьма приблизительно) только по отросшим седым корням крашенных волос. Стройная и подтянутая, женщина на первый взгляд казалась едва ли сорокалетней.

— Проходите, Николай Андреевич ждет вас, — пригласила она с улыбкой.

— Я привит, — сразу же сообщил Петр, хотя его об этом не спрашивали.

Женщина снова улыбнулась и кивнула:

— Любопытная примета времени, не находите? Сейчас первое, о чем люди говорят при встрече, это переболел ли, привился ли и какой уровень антител. Не волнуйтесь, дядя Коля у нас фаталист, он считает, что от судьбы не уйдешь и каждый человек так или иначе проживет ровно столько, сколько ему отмерено.

— Дядя Коля? — переспросил Петр чуть насмешливо: его позабавило такое панибратство.

— Я — племянница Николая Андреевича, — пояснила женщина, ничуть не смутившись. — Для меня он всю жизнь был дядей Колей.

Николай Андреевич Губанов, полковник милиции в отставке, плавно подбирался к завершению

девятого десятка, но, несмотря на физическую немощь, сохранил ясный ум, во всяком случае, именно так показалось Петру при телефонном разговоре, и журналист очень рассчитывал на его воспоминания об убийстве следователя Садкова в 1981 году. Морщинистое лицо Губанова со слезящимися мутноватыми глазами в первый момент вызвало у Петра оторопь: «Совсем дряхлый. Ничего он не вспомнит и не расскажет. Зря я на него надеялся». Однако при первых же звуках его голоса, твердого и уверенного, опасения развеялись.

— Добрый день, юноша. Присаживайтесь. Петр, кажется?

— Да, — с облегчением выдохнул журналист. — Петр Кравченко.

— По телефону вы сказали, что хотите поговорить о гибели Садкова, я не ошибся?

— Не ошиблись.

— Поговорим, — кивнул Губанов. — Только сперва вы мне объясните, почему интересуетесь этой старой историей. Присаживайтесь, располагайтесь, разговор нам с вами предстоит долгий. Сейчас Светочка принесет нам чаю. Или вы предпочитаете кофе?

— Нет-нет, чаю выпью с удовольствием, — соврал Петр.

Чай он не особо любил, но перед самым визитом заскочил по дороге в кафе, пообедал и заполиро-

вал невкусную еду двумя чашками эспрессо. Кофе в заведении оказался на диво крепким, и теперь сердце трепыхалось, как у перепуганного зайца.

Пока устраивался, доставал из сумки диктофон и блокнот, успел осмотреться и составить первое представление. Комната средних размеров, примерно пятнадцать-восемнадцать квадратов, светлая, с двумя большими окнами, мебелью не загромождена, но все необходимое имеется: книжный шкаф, диван, тумба с плазмой, прямоугольный стол с четырьмя стульями. И кожаное кресло с высокой спинкой, на темно-коричневом фоне которой ярко выделялась густая копна ослепительно седых волос полковника в отставке, одетого в толстый свитер с объемным воротником, как у Хемингуэя на знаменитой фотографии. Колени прикрыты пледом, из-под которого виднеются домашние тапки, но Петр отчего-то был уверен, что между свитером и тапками надеты не старые заношенные треники, а приличные цивильные брюки, пусть и не первой молодости. Крутом идеальный порядок, ни пылинки, ни соринки. Интересно, кто-то постоянно наводит здесь чистоту или специально прибрались к приходу визитера?

— Вы живете один? — спросил Петр как бы между прочим, листая блокнот.

Губанов усмехнулся.

— Юноша, посмотрите на меня внимательно. Как, по-вашему, я могу справляться? Света, моя

племянница, приходит каждый день. Она на удаленке, так что ночует у себя дома, а с утра до вечера здесь со своим ноутбуком.

— А потом? Что будет, когда пандемия закончится и удаленку отменят? У вас есть кто-то, кто будет вам помогать?

— Мне восемьдесят семь лет, молодой человек, так что до конца пандемии я вряд ли доживу. Ну а уж если бог пошлет дожить, тогда и буду думать.

Светлана принесла чай, вазочки с печеньем и еще чем-то сладким и неслышно удалилась. От дымящейся чашки исходил аромат земляники и апельсина. Губанов молчал, глядя куда-то поверх головы Петра, и журналисту показалось, что хозяин квартиры впал в спячку, совершенно позабыв, что перед ним сидит гость. «Какой же он старый, — подумал Петр. — Совсем-совсем старый. Напрасно я пришел, наверное». Может, и напрасно, но в архивы МВД, прокуратуры и суда его пока не пускают, заявления и разрешения рассматривают почему-то очень долго, и люди — его единственный источник информации. Дело сорокалетней давности — штука непростая, найти живых свидетелей, которые что-то знают и помнят, сложно. Если бы дело было только в убийстве 1981 года, проблема решалась бы куда проще, но ведь на самом деле всей истории на пятнадцать лет больше. И тем, кто еще жив, знает и помнит, уже больше восьмидесяти. Вот в этом-то вся засада и состоит.

Николай Андреевич молча пил чай мелкими глоточками, по-прежнему глядя в пространство, и Петр никак не мог решиться прервать молчание.

— Я жду, молодой человек. Так почему вас заинтересовало дело Садкова?

От неожиданности Петр вздрогнул и чуть не пролил горячий напиток себе на колени.

— Простите, — пробормотал он. — Мне показалось, вы задумались. Не хотел вам мешать. Дело в том, что я собираю материал для книги о сотрудниках правоохранительных органов, погибших в связи с исполнением служебных обязанностей.

— Да? Любопытно. И с чего вдруг вы решили взяться за такую тему?

От неожиданности Петр даже слегка поежился. Губанов был далеко не первым, с кем он встречался за последние два месяца, и каждому, у кого брал интервью, приходилось объяснять, с какой целью журналист задает свои вопросы. Реакция во всех без исключения случаях была примерно одинаковой: как это хорошо, как правильно, люди жертвуют жизнью во имя долга, давно пора отдать им дань уважения, а то нынче все сплошь критика и очернение. Короче, в таком духе. Намерение написать подобную книгу ни у кого не вызывало ни удивления, ни возражения. Никому даже в голову не приходило поинтересоваться: а с чего это вдруг?

Пришлось рассказывать о своей первой книге, написанной по материалам дела Андрея Соколь-

никова, в невиновности которого Петр Кравченко был изначально абсолютно убежден и намеревался провести собственное журналистское расследование, чтобы доказать, что человек осужден несправедливо и отбывает срок ни за что.

— Я поддался влиянию общего потока информации о том, что начиная с девяностых годов правоохранительная система стала быстро терять профессионализм, расцвели коррупция и силовое предпринимательство, никто ничего толком не расследует, уголовные дела фальсифицируют. И мне показалось, что в деле Сокольникова это проявилось так ярко, так несомненно... Но мне довольно быстро показали, что я ошибаюсь.

— Кто показал?

— Человек, который меня консультировал, помогал разобраться в материалах дела.

— И кто же вас консультировал?

Петр помялся. Вообще-то его не просили не называть имен, все было открыто и официально, и имя полковника милиции в отставке Анастасии Павловны Каменской указано в опубликованной книге в разделе «Благодарности». Но он все равно отчего-то колебался.

— Бывший сотрудник уголовного розыска, — промямлил он неуверенно.

Глубокие морщины на лице Губанова шевельнулись, складываясь в ироничную гримасу.